

**Задания муниципального этапа Всероссийской олимпиады школьников по литературе
2020-2021 учебный год**

11 класс

Продолжительность олимпиады: 300 минут. Максимально возможное количество баллов: 90

Задание 1

Выполните целостный анализ прозаического или поэтического произведения (по выбору учащегося). Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Татьяна Толстая «Белые стены»

Аптекарь Янсон в 1948 году построил дачу, чтобы сдавать городским на лето. И себе сделал пристройку в две комнаты, над курятником, с видом на парник. Хотел жить долго и счастливо, кушать свежие яички и огурчики, понемножку торговать настойкой валерианы, которую любовно выращивал собственными руками; в июне собирался встречать ораву съёмщиков с баулами, детьми и неуправляемой собакой. Господь судил иначе, и Янсон умер, и мы, съёмщики, купили дачу у его вдовы.

Все это было бесконечно давно, и Янсона я никогда не видала, и вдову не помню. Если разложить фотографии веером, по годам и сезонам, то видно, как бешено множится и растёт чингисханова орда моих сестёр и братьев, как дряхлеет собака, как разрушается и зарастает лебедой уютное янсоновское хозяйство. Где был насест, там семь пар лыж и санки без счёту, а на месте парника валяемся и загораем молодые мы, развалив руки, в белых атласных лифчиках хрущёвского пошива, в ничему не соответствующих цветастых трусах. В 1968 году мы залезли на чердак. Там ещё лежало сено, накошенное Янсоном за год до смерти Сталина. Там стоял большой-большой сундук, наполненный до краёв маленькими-маленькими пробочками, которыми Янсон собирался затыкать маленькие-маленькие скляночки. Там был и другой сундук, кованный, страшно сухой внутри на ощупь; в нём чудно сохранились огромные лёгкие валенки траурного цвета, числом шесть. Под валенками лежали, аккуратно убранные в стопочку, тёмные платья на мелкую, как птичка, женщину; под платьями – уже распадающиеся на кварки серо-жёлтые кружева – их можно было растереть пальцами и просыпать на дно сундука, туда, где лежала, растёртая и просыпанная временем, пыль уже неопознаваемого, неизвестно чьего, какого-то чего-то.

В 1980 году в припадке разведения клубники мы перекопали бурьян в том углу сада, где, по смутным воспоминаниям старожилов, некогда цвёл и плодоносил аптекарский эдем. На некоей глубине мы откопали некий большой железный предмет, испугались, выслушали заверения тех же старожилов, что это не снаряд, потому что во время войны сюда ничего не долетало, опять испугались и зарыли это, притоптав. Когда перекладывали печку, ничего янсоновского не нашли. Когда меняли печную трубу – тоже. Когда кухня провалилась в подпол, а рукомойник в курятник, – очень надеялись, но напрасно. Когда заделывали огромную дыру, оставленную пролетариатом между совершенно новой трубой и абсолютно новой печью, – нашли брюки и обрадовались, но

это были наши же собственные брюки, потерянные так давно, что их не сразу опознали. Янсон рассеялся, распался, ушёл в землю, его мир был уже давно и плотно завален мусором четырёх поколений мира нашего. И уже подросли такие возмутительно новые дети, которые не помнили украденной любителями цветных металлов таблички «М. А. Янсонъ», не кидались друг в друга сотнями маленьких-маленьких пробочек, не находили в зарослях крапивы белый зонтик заблудившейся, ушедшей куда глаза глядят, валерианы.

Летом прошлого, 1997 года, обсчитавшись сдуру и решив, что даче нашей исполняется полвека, мы решили как-нибудь отпраздновать это событие и купили белые обои с зелёными веночками. Пусть, подумали мы, в том закуте, где отваливается от стены рукомойник, где на полке стоят банки засохшей олифы и коробки со слипшимися ржавыми гвоздями, – пусть там будет Версаль. А чтобы дворцовая атмосфера была совсем уж роскошной, мы старые обои отдерём до голой фанеры и наклеим наш помпадур на чистое. Евроремонт так евроремонт.

Под белыми в зелёную шашечку оказались белые в синюю рябу, под рябой – сероватовесенние с плакучими берёзовыми серёжками, под ними – лиловые с выпуклыми белыми розами, под лиловыми – коричнево-красные, густо записанные кленовыми листьями, под клёнами открылись газеты – освобождены Орел и Белгород, праздничный салют; под салютом – «народ требует казни кровавых зиновьевско-бухаринских собак»; под собаками – траурная очередь к Ильичу. Из-под Ильича пристально и тревожно, будто и не мазали их крахмальным клейстером, глянули на нас brave господа офицеры, препоясанные, густо усатые, групповой снимок в Галиции. И уже напоследок, из-под этой братской могилы, из-под могил, могил, могил и могил, на самом дне – крем «Усатин» (а как же!), и: «Все высшее общество Америки употребляет только чай Kokio букет ландыша. Склады чаёв Дубинина, Москва, Петровка, 51», и: «Отчего я так красива и молода? – Ионачивара Масакадо, выдаётся и высылаётся бесплатно», и: «Покупая гильзы, не говорите: „Дайте мне коробку хороших гильз“, а скажите: ДАЙТЕ ГИЛЬЗЫ КАТЫКА, лишь тогда вы уверены, что получили гильзы, которые не рвутся, не мнутся, тонки и гигиеничны. ДА, ГИЛЬЗЫ ТОЛЬКО КАТЫКА.»

Начав рвать и мять, мы все рвали и мяли слои времени, ломкие, как старые проклеенные газеты; рвали газеты, ломкие, как слои времени; начав рвать, мы уже не могли остановиться, – из-под старой бумаги, из-под наслоений и вздутий сыпалась тонкая древесная труха, мусорок, оставшийся после древоточца, после мыши, после Янсона, после короедов, после мучного червя с семейством, радостно попиравших сухим крахмалом и оставивших после себя микрон воздушной прокладки между напластованиями истории, между тектоническими плитами чьих-то горестей. Литература – это всего лишь буквы на бумаге, – говорят нам сегодня. Не-а. Не «всего лишь». В этой рукомойне, пахнувшей мылом и подгнившими досками, была спальня аптекаря Янсона; намереваясь жить скромно, долго и счастливо, он любовно оклеивал её сбережёнными с детства газетами, – стопочка к стопочке, пробочка к пробочке, ничего не надо выбрасывать, а

сверху обои, – аккуратный, должно быть, и чистый, обрусевший швед, он уютно и любовно устроил себе спальню, – частный уголок, толстая дверь с тяжёлым шпингалетом, под полом – свои, чистые куры. В смежной каморке, с балконом, с окном на закат, на чёрные карельские ели, – столовая-гостиная: можно кушать кофе с цикорием, можно, сидя в жёстком лютеранском кресле, думать о прошлом, о будущем, о том, как уцелел, не сгинул, как растит лекарственные травы, о том, как пройдёт по первому снегу в лёгких чёрных валенках. Вот достанет из сундука – и пройдёт, оставит следы.

Мы сорвали всю бумагу, всю подчистую, мы прошлись наждачной шкуркой по босым, оголившимся доскам; азарт очищения охватил все четыре поколения, мы тёрли и тёрли. Мы правда старались: мы не жалели ногтей и скребков; местный магазин, пребывавший тридцать лет в коматозном оцепенении и никогда не предлагавший покупателям ничего, кроме резиновых сапог не нашего размера и карамели «подушечка с повидлом», в новую эпоху ожил и завалил полки продукцией «Джонсон и Джонсон»; Джонсоны против Янсона; а что же может поделаться один Янсон против двух Джонсонов? Какие-то быстродействующие очистители и уничтожители, – аэрозоли для стирания памяти, кислоты для выведения прошлого. Мы выскребли всё: и белые полилового розы, и кровавых собак, и клубы морозного дыхания в очереди к сыну инспектора народных училищ, и ряды завтрашних инвалидов и смертников, доверчиво, за неделю до увечья или смерти накупивших круглых жестяных банок шарлатанского «Усатина» в расчёте на любовь и счастье, подобно аптекарю Янсону, запасшему много валенок для будущих, уже не понадобятся ног.

Мы протёрли доски добела, до проступившего рисунка годовых колец на скоблёном дереве. Мы дали стенам просохнуть. Потом мы взяли большую кисть, обмакнули её в синтетический, очень цепкий, с гарантией, клей и как следует, без пузырей, – по инструкции; – промазали клеем изнаночную сторону версальских обоев. Потом мы сложили обойные полосы пополам, – клей на клей, – отнесли в спальню аптекаря Янсона, где, опять же по инструкции, снова развернули полосы во всю длину и, крепко нажимая «старой ветошью» (неузнаваемой трикотажной тряпкой, некогда бывшей неизвестно чем), притёрли свежие, белые в веночках обои к свежей, ещё пахнувшей Джонсоном и Джонсоном – обоими Джонсонами – стене. Клей взялся, европеец не подвел, обои прилипли как страстный поцелуй, без люфта.

И вообще лето под Питером было хорошее, сухое, жаркое. Всё быстро сохло. Наши обои, например, наутро уже выглядели так, будто они тут всегда и были: без тёмных пятен, без ничего такого. Оказалось, что это не очень сложно, – обдирать и клеить. Эффект, конечно, вышел не совсем дворцовый, и, честно говоря, совсем не европейский, – ну, промахнулись, с кем не бывает. Не то, чтобы не доставало артистизма, а – прямо скажем – глаза бы наши не глядели, – чего уж там – получился сарай в цветочках. Собачья будка. Приют убогого, слепорожденного чухонца. В куске всё смотрится не совсем так, как на стене, верно? Вот если купить совсем, совсем белые

обои – без рисунка – а сейчас ведь всё можно достать, – вот тогда будет очень хорошо. И этот наш ошибочный, виньеточный, совершенно случайный и непредусмотренный узор и позор укроется под белым, ровным, аристократически-безразличным, демократически-нейтральным, ко всему равнодушным, спокойным, приветливым, никого не раздражающим слоем благородной, буддийской простоты.

И в городе, у себя дома, каждый сделает то же самое. Белое – это просто и благородно. Ничего лишнего. Белые стены. Белые обои. А лучше – просто малярная кисть или валик, водоэмульсионная краска или штукатурка, – шарах – и чисто. Все так сейчас делают. – И я так сделаю. – И я.

И я тоже. Мне нравится белое! Начать жизнь сначала! Не сдаваться! На цыпочках, осторожно, чтобы не побеспокоить, чуть заметной тенью, в шерстяных носках по новенькому линолеуму, с валенками под мышкой, с букетом звёздчатой валерианы в руках, с пробочками и скляночками в оттопыренных карманах, с усатыми и бритыми инвалидами всех времён в испуганной памяти, выходить вонь Михаилъ Августовичъ Янсонъ, шведъ, лютеранинъ, мещанинъ, гражданинъ, аптекаръ – трудолюбивый садовник, запасливый и аккуратный человек, без лица, без наследников, без примет, – Михаил Августович, муж маленькой жены, житель маленьких комнат, чуточку смелый, но очень скрытный хранитель запрещённого прошлого, свидетель истории, добела ободранной нами со стен его бывшей каморки. Михаил Августович, про которого я ничего не знаю и теперь уже никогда, никогда не узнаю, – кроме того, что он закопал непонятное железное в саду, спрятал ненужное тряпичное на чердаке, укрыл недопустимое, невозвратимое под обоями спальни. Своими руками я содрала последние следы Михаила Августовича со стен, за которые он цеплялся полвека – и, ненужный больше ни одному человеку на этом новом, отбелённом, отстиранном, продезинфицированном свете, он ушёл, наверное, навсегда и непоправимо, в травы и листья, в хлорофилл, в корни сорняков, в немую, вечно шумящую на ветру, безымянную и блаженную, господню фармакопею.

Ноябрь 1997

Примечания

Татьяна Никитична Толстая (род. в 1951) – писательница, публицист, телеведущая, внучка писателя А.Н. Толстого. Автор рассказов, эссе и романа «Кысь» (2000).

Фармакопея – руководство для врачей и фармацевтов, содержащее описание свойств, способов приготовления и хранения лекарств; список лекарственных веществ.

Павел Коган «Ракета»

*Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне дна.
Ломоносов.*

Трёхлетний

вдумчивый человек,

Обдумать миры

подошедший к окну,
На небо глядит
И думает Млечный
Большую Медведицей зачерпнуть.

...Сухое тепло торопливых пожатий,
И песня,
Старинная песня навзрыд,
И междупланетный
Вагоновожатый
Рычаг переводит
На медленный взрыв.
А миг остановится.
Медленной ниткой
Он перекрутится у лица.
Удар!
И ракета рванулась к зениту,
Чтоб маленькой звёздочкой замерцать.
Грома остаются внизу,
И на Млечный,
Космической непогодой продут,
Ракету выводит сын человеческий,
Как воля человеческих
Конечный продукт.
И мир,
Полушарьем известный с пеленок,
Начнёт расширяться,
Свистя и крутясь,
Пока,
Расстоянием опалённый,
Водитель зажмурится,
Отворотясь.
И тронет рычаг.
И, почти задыхаясь,
Увидит, как падает, дымясь,
Игрушечным мячиком

Брошенный в хаос
Чудовищно преувеличенный мяч.
И вечность
Космической бессонницей
У губ,
У глаз его
Сходит на нет,
И медленно
Проплывают солнца,
Чужие солнца чужих планет.
Так вот она — мера людской тревоги,
И одиночества,
И тоски.
Сквозь вечность кинутые дороги,
Сквозь время брошенные мостки.
Во имя юности нашей суровой,
Во имя планеты, которую мы
У мора отбили,
Отбили у крови,
Отбили у тупости и зимы.
Во имя войны сорок пятого года.
Во имя чекистской породы.
Во и! —
мя!
Принявших твердь и воду.
Смерть. Холод.
Бессонницу и бои.
А мальчик мужает...
Полночью давней
Гудки проплывают у самых застав.
Крылатые вслед
разлетаются ставни,
Идёт за мечтой,
на дому не застав.
И может, ему,
опаляя ресницы,

Такое придёт
и заглянет в мечту,
Такое придёт
и такое приснится...
Что строчку на Марсе его перечтут.
А Марс заливаает полнебосклона.
Идёт тишина, свистя и рыча,
Водитель ещё раз проверит баллоны
И медленно
пе-ре-ведет рычаг.
Стремительный сплав мечты и теорий,
Во всех телескопах земных отблистав,
Ракета выходит
На путь метеоров.
Водитель закуривает.
Он устал.

Август 1939

Примечания

Павел Давидович Коган (1918 — 1942) – поэт военного поколения. Учился в ИФЛИ (Институте философии и литературы), добровольцем ушёл на фронт, погиб под Новороссийском. При жизни не публиковался. Первая книга: «Гроза» (1960)

Задание 2

Для того чтобы привлечь внимание читателя к академическим исследованиям литературы, в журналах (или на их страничках в соцсетях), на научно-просветительских сайтах используются врезы – что-то вроде краткой преамбулы, эффектно, с интригующими деталями представляющей содержание публикуемого материала. Вот пример такой «подводки» на сайте «Арзамаса» (популярный научно-просветительский сетевой проект) к эссе Юрия Левинга, посвящённому роману Набокова «Лолита»: «Как связаны преступник Гумберт Гумберт и американский поэт Эдгар По? Почему Лолита сравнивается с Кармен? При чём тут Уильям Шекспир и американская пресса? Разбираемся в том, какие тексты легли в основу самого скандального романа Набокова».

Представьте читателям литературно-критическое или научное издание, но безотносительно к времени написания (это могут быть и статьи русских критиков XIX века о хрестоматийных произведениях из школьной программы, и современные научные или научно-популярные издания, посвящённые литературе разных стран и эпох).

Напишите подобный врез для публикации статьи или книги о произведении (произведениях) русской литературы. Укажите автора статьи/книги и её название.